

ВЕДЬМЫ ВЕДУТ СЛЕДСТВИЕ

АЛЕСЯ ЛИ

ТАЙНА
ПРОКЛЯТОГО
ОЗЕРА

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Λ55

Иллюстрация на обложке Midva

Ли, Алеся.

Λ55 Тайна проклятого озера / Алеся Ли. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с.

ISBN 978-5-04-193257-2

Старшие Боги не интересовались делами смертных, пока Радужный мост оставался под защитой магов-полукровок. Но все изменилось в тот день, когда одна смерть невольно поставила под угрозу существующий порядок вещей.

Пять семей, связанных многовековой враждой. Пять наследников, несущих на себе печать огромной силы. И одно убийство, раскрыть которое полиция не в силах.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ли А., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-193257-2

Посвящается моей подруге,
которая не побоялась однажды все изменить.
Поддерживаю, наблюдаю, восхищаюсь.

ПРОЛОГ

Марина Вейсмонт всегда была очень красивой: когда смеялась или плакала, когда танцевала с ним или бежала прочь, злясь и роняя туфли, когда шла по улице в желтом платье, о чем-то задумавшись, и даже когда унизила его на глазах у всех этих снобов, представителей Старших семей, все равно оставалась очень красивой.

Она должна была быть невыносимо прекрасна в растерзанном бальном платье, в возвышенной отчужденности, которую может дать только вхождение в вечность, но изувеченное тело, вытащенное из холодной воды Проклятого озера двадцать шестого марта две тысячи двадцать второго года ничем не напоминало Марину Вейсмонт. Она должна была быть красивой даже сейчас, но вода и магия не щадят никого, даже своих детей.

*В Ноатуне у Ньерда родилось двое детей:
сына звали Фрейром, а дочку Фрейей.
Были они прекрасны собою и могущественны.
Нет аса славнее Фрейра¹,
ему подвластны дожди и солнечный свет,*

¹ Фрейр — один из Старших Богов (асов), отвечает за плодородие, мир, процветание и ту самую мужскую силу, которая не про «передвинуть шкаф».

а значит, и плоды земные,
и его хорошо молить об урожае и о мире.
От него зависит и достаток людей.
Фрейя¹ же — славнейшая из богинь.
Владения ее на небе зовутся Фолькванг.
И когда она едет на поле брани,
ей достается половина убитых,
а другая половина — Одину².
Ездит она на двух кошках, впряженных в колесницу.
Она всех благосклоннее к людским мольбам,
и по ее имени знатных жен величают господами.
Ей очень по душе любовные песни.
И хорошо призывать ее помощь в любви.

(«Младшая Эдда»³)

Немало там великолепных обиталищ.
Есть среди них одно — Альвхейм⁴.
Там обитают существа,
называемые светлыми альвами⁵.
Темные альвы живут в земле,
у них иной облик и совсем иная природа.
Светлые альвы обликом своим прекраснее солнца,
а темные — чернее смолы...»

(«Младшая Эдда»)

¹ Фрейя — Старшая Богиня, покровительствует любви, браку, домашнему очагу, если дело не касается украшений и гномов.

² Один — верховный Бог в скандинавской мифологии, всеотец со своеобразным чувством юмора.

³ «Младшая Эдда» — произведение XIII века писателя Снорри Стурлусона, в котором тот изначально задумывал учить поэтов сочинительству, будучи прозаиком.

⁴ Альвхейм — мир альвов, один из Девяти миров древне-скандинавской космологии. Неудачно расположен между миром людей и обителью Старших Богов.

⁵ Альвы — полубожественные существа, духи природы; подрабатывают мужскими духами предков. В легендах со временем трансформировались в эльфов.

Глава I

ТЕНИ И ИЛЛЮЗИИ

Первое, о чем я подумала, выглянув в окошко почтовой кареты: приземистые домики, разбросанные по улице маленького провинциального городка, выглядят так, словно сложены из ракушек. Коричневый с желтыми прожилками камень был повсюду: он устилал мостовую, украшал здания, из него были сделаны стены и арки, утопающие в зелени садов. И даже черепичные ребристые крыши только усиливали это сходство.

Мне придется здесь жить. Променять суету столичной жизни на тихое уединение провинции. Отец умер, оставив мне лишь долги, а моя дальняя родственница — я никогда ее прежде не видела, впрочем, она меня тоже — ходит в услужении одного знатного семейства. Им принадлежит земля, на которой стоит эта деревушка, и огромный дом, в котором для меня нашлось местечко.

Я чувствовала себя слишком несчастной, чтобы чего-то опасаться. Путешествие меня не тревожило, я отправилась в путь, не думая о его продолжительности и не ощущая оди-

ночества. Забившись в угол кареты, я проехала много миль, прежде чем впервые подняла голову, чтобы осмотреться.

Экипаж резко повернул и остановился. Кто-то распахнул дверцу.

Что ж, пришло время начинать новую жизнь...

* * *

Вечерело.

Карета, забравшая меня с почтовой станции, была не в пример роскошнее той, в которой пришлось трястись по улицам Лондона. На беду, мне пришлось ехать той же дорогой, по которой пять лет назад я прокатилась совершенно счастливая — с матерью и отцом на пути к столичным балам и другим развлечениям изысканного лондонского общества. Моя матушка, миссис Грант, горела желанием обзавестись обширными связями, и каждое наше утро посвящалось какому-нибудь очередному занятию: магазинам, осмотру новой части города или посещению художественной галереи, по которой мы фланировали около часа, разглядывая встречаемых... Первые месяцы в Лондоне были самыми счастливыми в моей жизни.

Но матери не стало. Ею владела безобидная на первый взгляд страсть изысканно одеваться. Вот только бальные платья из тонкого муслина плохо сочетаются с морозными зимами¹. В канун Рождества она слегла с воспалением и так и не оправилась. Позабыв про меня, отец искал утешение за карточным столом, пока не истратил все свое состояние.

На протяжении первых миль пути горечь моих переживаний только усиливалась видом лондонских улочек и зданий, на которые я когда-то давно смотрела при столь не схожих обстоятельствах, но, когда после продолжительного путешествия экипаж миновал поворот дороги и вдалеке пока-

¹ В угоду моде платья нередко носили мокрыми. Даже зимой.

залось мое новое пристанище, я на мгновение позабыла обо всех своих злоключениях.

Вид, открывшийся в лучах заходящего солнца, заставил меня задержать дыхание. Здание имело вид охватывающего большой двор прямоугольника — моему восхищенному взгляду открылись две его стороны, щедро украшенные готическим орнаментом, остальное скрывалось кронами старых деревьев. Поднимавшиеся по углам мощные башни казались прекрасными. Ничего подобного мне еще не доводилось видеть. Тонкие слепые бойницы донжона¹ утопали в сумраке, маленькие квадратные окна во флигелях, очевидно пристроенных позднее, подмигивали светом. Замок был сложен из все того же коричневого камня, и в сгущающихся сумерках мне казалось, что я смотрю на морское дно сквозь толщу воды.

* * *

Тетка моя оказалась провинциальной старой девой, напроць лишенной манер и светского лоска. Да и зачем они экономке?

— Вас ожидали не раньше следующего месяца, — сварливо сообщила вновь обретенная родственница, едва завидев меня.

— Кредиторы отца осадили дом в Лондоне, мне пришлось бежать через окно, — сообщила я, предлагая собеседнице самой догадаться, что в этом всем — правда.

— Хозяева будут недовольны!

— Я была бы рада задержаться, а еще больше я была бы счастлива вообще сюда не приезжать. Жаль, это не в моей власти. — Я старалась не подать виду, насколько меня задевает все происходящее.

— Ориан Грант! Проявите хоть каплю смирения и благодарности!

Никто и никогда не поднимал на меня голос до этого вечера. Еще одна вещь, к которой придется привыкнуть.

¹ Донжон — главная башня.

* * *

Хозяева замка не торопились представиться какой-то там бесприданнице, что было досадно, но ожидаемо. Тетка сказала, что они не любят, когда их беспокоят понапрасну. На днях у них ожидалось какое-то мероприятие, мне велено было не покидать этажа для прислуги и найти себе какое-то занятие, пока про меня не соизволят вспомнить.

Вероятно, я буду музицировать на приемах и давать уроки хозяйской дочери, которая была моей погодкой.

Хозяева любезно разрешили мне жить в их доме до тех пор, пока я не составлю личное счастье либо же не найду способ выплатить долги отца. Я ожидала увидеть мрачный закуток, напоминающий монастырскую келью, не слишком просторный и высокий, освещенный единственным слабым светильником, но предложенная мне комната, хоть и была в крыле для прислуги, оказалась просторной и уютной.

Слуги внесли мой сундук, тетка оставила свечу, поднос с пирожками и кувшин молока. Придется привыкать, что теперь я помогаю себе сама.

Я посмотрела на сундук, который предстояло разобрать, на поднос (есть почему-то совсем не хотелось), подхватила свечу и подошла к зеркалу.

Из зеркала на меня смотрела миловидная блондинка. Прямой нос, пухлые губы. Пышные волосы уложены кудряшками. И кто теперь станет меня причесывать?

Я знала это лицо, вот только моим оно не было.

Из зеркала на меня смотрела Марина Вейсмонт.

Моя сестра.

* * *

Ничего уже не будет так, как раньше.

Аттина с грустью оглядела пустую кухню, из которой безвозвратно выветрились все съедобные запахи. В шкафчике обнаружили окаменелые, как архео-

логическая находка, мясли, в холодильнике — полкоробки молока с истекающим сроком годности. Не самый плохой завтрак, с голоду она сегодня не умрет.

Прошел месяц с тех пор, как Аттина вернулась домой, и две недели — с тех пор, как ее семья простилась с Мариной. И, похоже, — друг с другом. Мать была поглощена городской общественной деятельностью, отец последние несколько лет работал в Лондоне и приезжал домой только на выходные.

Аттина осталась одна переживать свое горе и терзаться вопросами, на которые просто некому было дать ответ.

Она не верила. До последнего не верила. Сестра и раньше частенько не ночевала дома, это должно было быть просто ошибкой. А потом, когда увидела холодное отчуждение матери и слезы отца, ужасно боялась увидеть Марину. Но то, что лежало на столе под равнодушным светом электрических ламп, Мариной не было, и Аттина спокойно рассматривала мертвое, изменившееся до неузнаваемости тело. В тот момент она поняла, что ее сестры здесь больше нет. И никогда не будет.

Аттина была младшей дочерью, честь продолжить многовековые традиции принадлежала ее старшей сестре. Аттину никто не посвящал в семейные тайны.

Почему ее сестра оказалась у Проклятого озера, ведь ходить к нему, особенно ночью, было строжайше запрещено? Что случилось с ней там?

К северо-западу от Лондона можно найти множество озер. Больших и маленьких, природных и искусственных, безлюдных или пестрящих вывесками ресторанов и гольф-клубов.

Но есть одно особенное озеро, которое даже на гугл-картах подписано — «Это Озеро». Когда-то давно оно даже на картах не значилось, но все равно было на слуху. К нему не водят туристов, никто не загорает там летом

и не приходит с удочкой зимой, потому что все местные знают — Это Самое Озеро, прячущееся на окраине огромного Национального парка¹, проклято вот уже двести лет.

* * *

Тяжелый внедорожник послушно летел по дороге A417.

Амир Гатри-Эванс поправил солнечные очки, которые были не особо нужны дождливой английской весной, положил локоть на открытое окно и вжал в пол педаль газа.

Весь его вид был совершенно чуждым для этих мест. Смуглый черноглазый брюнет на дорогой, отмытой до блеска машине, в ослепительной белой рубашке — он казался случайным гостем среди провинциальных английских пейзажей и куда лучше бы смотрелся где-нибудь на побережье Монте-Карло.

Слева мелькнул указатель с названием «Килимскот».

Крохотный городишко прятался на окраине Национального парка и пользовался дурной славой. Из всех маленьких городов, которые можно было встретить к северо-западу от Лондона, он казался самым злополучным.

Амир Гатри-Эванс неохотно сбросил скорость и свернул с трассы. Он знал здесь каждый дом, каждую улицу. В конце концов, наследник одной из пяти Старших семей возвращался домой.

* * *

Чтобы хоть как-то разбавить гнетущую тишину опустевшего дома, Аттина включила телевизор и попала на местную новостную программу.

¹ Система национальных парков Великобритании, создана для сохранения уникальных ландшафтов и экосистем Англии, Шотландии и Уэльса.

— Во время конференции нашему корреспонденту удалось взять интервью у Райдена Дэвиса. Управляющий одного из самых крупных частных фондов по защите окружающей среды рассказал о новой двухгодичной программе наблюдения за реками, поддержанной...

Мелодичная трель новенького телефона отвлекла Аттину от разглядывания улыбчивого блондина в темно-синем официальном костюме. Задорно прищулив зеленые глаза, он бойко отвечал на вопросы журналистов.

— Да?

Звонил тот самый Райден Дэвис.

— Что делаешь? — Его голос, не искаженный камерой, звучал по-другому, но не менее жизнерадостно.

— Смотрю твоё интервью, — охотно поделилась Аттина.

— Даже совестно было людей расстраивать, — хохотнул в трубку Райден. — Им хотелось интересную информацию, например, с какой моделью я хожу на свидания, а пришлось слушать про нашу просветительскую программу и сколько миль берега нам удалось очистить от мусора за последний год. На этом сенсацию не построишь.

Его бодрый голос словно вернул Аттину в те времена, когда была жива сестра, а родители не игнорировали друг друга, случайно встретившись в коридоре.

— Я подъеду через полчаса. Есть там кто живой? — надрывалась трубка. — Ау!

— Я буду готова через пятнадцать минут, — поспешно ответила Аттина, не сдержав улыбки.

* * *

Амир Гатри-Эванс пять лет не был дома. И вероятно, не появился еще столько же, если бы не приближающийся День Сопряжения Миров.

Где-то восемьсот лет назад предки пяти Старших семей заключили Договор. Альвы, духи природы, взяли в жены